

Научно-исследовательская статья

УДК 130.2

DOI: 10.24412/2078-9238-2026-359-94-107

ИСТОРИЧЕСКИЕ ИСТОКИ КУЛЬТУРЫ УЧАСТИЯ: МАССОВОЕ ПРАЗДНОВАНИЕ ОТ ДРЕВНЕГО ЕГИПТА ДО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

Мария Андреевна Татаренко

Волгоградский государственный социально-педагогический университет,

Волгоградская государственная консерватория имени П. А. Серебрякова,

Волгоград, Россия,

mardmy@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0005-9730-141X>

Аннотация. Актуальность исследования обусловлена растущим интересом современной философии к феномену культуры участия как ключевому механизму взаимодействия общества и культурных институтов. В рамках этого подхода массовый праздник рассматривается не только как исторически устойчивая форма коллективных действий, но и как важное пространство для символического производства, передачи ценностей и формирования сообщества. Изучение исторических форм празднования — от архаичных ритуалов до средневековых зрелищ — позволяет выявить устойчивые принципы коллективности, соучастия и общности, что создает методологическую основу для философского анализа современных праздничных практик через призму культуры участия. Цель исследования — выявление принципов коллективности и общности массового праздника в исторической ретроспективе с момента его возникновения в архаичном обществе и дальнейшем развитии в культурах Древнего Египта, Античности и западноевропейском Средневековье как предпосылок экстраполяции культуры участия на философский анализ современного праздника. В данной статье применяется метод анализа научных источников, а также метод герменевтического анализа для интерпретации значений и функций праздничных обрядовых действий, объединяющих празднующее сообщество для провозглашения ценностей и их закрепления в коллективном сознании. В результате исследования установлено, что в празднике как в одном из древнейших феноменов культуры проявляются и сохраняются такие ключевые принципы культуры участия, как коллективность и общность

действия. В процессе празднования индивидуальное «я» каждого участника сливается в общее «мы», позволяя не только сформировать устойчивую связь с обществом, но и стать единой общностью.

Ключевые слова: культура участия, массовый праздник, символическое действо, коллективное участие, зрелище

Для цитирования: Татаренко М. А. Исторические истоки культуры участия: массовое празднование от Древнего Египта до Средневековья // Вестник МГПУ. Серия «Философские науки». 2026. № 3 (59). С. 94–107. <https://doi.org/10.24412/2078-9238-2026-359-94-107>

Scientific research article

UDC 130.2

DOI: 10.24412/2078-9238-2026-359-94-107

HISTORICAL ORIGINS OF PARTICIPATORY CULTURE: MASS FESTIVALS FROM ANCIENT EGYPT TO THE MIDDLE AGES

Maria A. Tatarenko

Volgograd State Socio-Pedagogical University,
Volgograd State Serebryakov Conservatory,
Volgograd, Russia,
mardmy@yandex.ru; <https://orcid.org/0009-0005-9730-141X>

Abstract. The relevance of the research is due to the growing interest of modern philosophy in the phenomenon of culture of participation as a key mechanism of interaction between society and cultural institutions. Within the framework of this approach, a mass holiday is considered not only as a historically stable form of collective action, but also as an important space for symbolic production, the transfer of values and the formation of a community. The study of historical forms of celebration — from archaic rituals to medieval spectacles — makes it possible to identify stable principles of collectivity, complicity and community, which creates a methodological basis for a philosophical analysis of modern festive practices through the prism of a culture of participation. The purpose of the study is to identify the principles of collectivity and community in mass celebrations in historical retrospect, from their origins in archaic societies to their further development in the cultures of Ancient Egypt, Antiquity, and the Western European Middle Ages, as a prerequisite for extrapolating participatory culture to the philosophical analysis of contemporary celebrations. This article uses the method of scientific source analysis, as well as the method of hermeneutical analysis, to interpret the meanings and functions of festive rituals, ceremonies, and the scripted course of holidays that unite the celebrating community to proclaim and reinforce the values that have been declared in the collective consciousness. The study has shown that in a holiday, as one of the oldest cultural phenomena, the key principles of participatory culture, such as collectivity and shared action, are manifested and preserved. During a holiday, the individual “I” of each participant merges into a collective “we,”

allowing not only to form a strong connection with society, but also to become a unified community.

Keywords: participatory culture, mass celebration, symbolic action, collective participation, spectacle

For citation: Tatarenko, M. A. (2026). Historical origins of participatory culture: mass festivals from Ancient Egypt to the Middle Ages. *MCU Journal of Philosophical Sciences*, (3 (59)), 94–107. <https://doi.org/10.24412/2078-9238-2026-359-94-107>

Введение

Современные тенденции в философии культуры проявляются в сосредоточении интереса к концепции культуры участия, которая отражает изменения в способах взаимодействия культурных институтов и социума, главным из которых становится их совместная деятельность, а также коллективная коммуникация, направленные на трансляцию идей и позиций социума, на развитие чувства единения, ответственности за сохранение культурного наследия и создание общих ценностей.

Массовый праздник, возникший в древности и сохраняющийся по настоящее время, является наиболее устойчивой формой общественной структуры, обращенной к социальной потребности общения, где празднующая общность провозглашает в праздничном действе свои высшие ценности и стремления. В праздничном пространстве обыденность, монотонность, разобщенность будничной жизни сменяются возвышенностью, эмоциональным подъемом, целостностью и единством. Такие закономерности делают возможным экстраполировать концепцию культуры участия на рассмотрение массового празднования, в чем и заключается цель нашего исследования. Для ее достижения необходимо решить следующие задачи: рассмотреть принципы и характер массовых празднований архаичного периода, Древнего Египта, Античности и западноевропейского Средневековья; с позиции философии культуры интерпретировать культурный текст массовых праздников данных периодов, а также заключенные в них обрядовые действия и ритуалы; проанализировать принципы коллективности и общности как ключевых аспектов массового празднования, позволяющих транслировать и сохранять ценности и нормы данного общества.

Для проведения исследования по выявлению принципов коллективности и общности в массовых праздниках архаичной культуры, Древнего Египта, Античности и западноевропейского Средневековья в данной статье применяются метод анализа научных источников, а также метод герменевтического анализа для интерпретации значений и функций праздничных ритуалов, обрядов, сценарного хода праздников, объединяющих празднующее сообщество для провозглашения ценностей и их закрепления в коллективном сознании.

К вопросам праздничной культуры обращались многие философы и рассматривали массовый праздник с разных точек зрения: Э. Дюркгейм — как механизм социальной интеграции; М. Бахтин и Ф. Ницше — как форму социальной

критики и освобождения; В. Тернер, основываясь на идеях А. ван Геннепа, — как структуру ритуального перехода; Ж. Бодрийяр и Г. Дебор — как объект критики в обществе потребления. Обращая внимание на исследования проблем в области культуры участия, мы обнаруживаем исследования в таких областях, как политология (Г. Алмонд и С. Верба, Ю. А. Зуляр, М. Н. Колоткин), менеджмент (И. К. Макарова, М. В. Крымчанинова, Т. Ю. Базаров, Б. Л. Еремин), музейное дело (Н. Саймон, Г. Дженкинс, А. А. Щербакова, М. В. Короткова). Работ, в которых концепция культуры участия экстраполируется на другие, неполитические сферы культуры, крайне мало. Это в основном исследование музейных практик и интерактивных приемов в музейном деле. В нашем исследовании впервые рассматривается история праздничной культуры через призму культуры участия как метода философского анализа массового праздника.

Содержание и результаты исследования

Анализ основных концепций происхождения праздника высвечивает в каждой гипотезе утверждение о том, что обязательной предпосылкой, а затем и обязательной составляющей праздника является коллективность, массовость, совместность действия [Кибалко, 2018, с. 341]. Исследователи Н. В. Малащук и Л. Р. Строй отмечают, что в празднике благодаря соучастию в массовом действе достигается гармония между личностным и общественным по цепи «я» — «праздник» — «мы» [Малащук, Строй, 2016, с. 71]. Таким массовым действием внутри праздничного пространства зачастую является «участие в обряде, ритуале, церемонии» [Малинина, 2021, с. 93], которое по своей сути — действие символическое. Посредством этих символических действий осуществляется трансляция и утверждение социальных норм и традиций, присущих культуре празднующей общности, где заново осмысливается с позиции современности культурное наследие.

Если мы обратимся к концепции культуры участия, которая предполагает «свободное, деятельное и осознанное участие людей в культурных и социальных процессах, возможность для них быть не только “потребителями” или объектами воздействия, но вносить свой собственный вклад» [Агапова, 2012, с. 8], анализируя массовый праздник как воспроизводящийся элемент культуры, то обнаружим, что такие ключевые принципы данной концепции, как коллективность, осознанность и соучастие, сопровождают праздник и празднование с древнейших времен.

Работы американского теоретика медиа Генри Дженкинса, особенно его книга «Культура конвергенции» [Jenkins, 2006], стали основополагающими для развития концепции культуры участия. Дженкинс выделяет несколько ключевых характеристик этой культуры: низкие барьеры для самовыражения и гражданской активности; поддержка создания творческих работ и обмена ими; опытные члены сообщества добровольно делятся своими знаниями

с новичками; участники верят, что их творчество или мнение имеют значение для других и сообщества в целом; участники чувствуют связь друг с другом, разделяя общие интересы и цели. Культура участия — это не просто проявление активности, это коллективный процесс, в ходе которого вклад отдельных людей дополняется общими знаниями и опытом (то, что Дженкинс называет коллективным разумом).

С точки зрения философии культуры, массовые празднования, такие как городские фестивали, карнавалы, концерты под открытым небом, новогодние мероприятия на главной площади и даже спонтанные флешмобы, — это не просто события, а довольно сложные явления, которые генерируют и передают смыслы, формируют социальные отношения и способствуют формированию уникального чувства сообщества, где в праздновании «раскрывается в своей геополитической, национальной специфике конкретная культура, создавая условия для обновления и повышения уровня собственной внутренней интеграции» [Саенко, Татаренко, 2024, с. 36]. Концепция культуры участия позволяет рассматривать эти явления на нескольких уровнях:

- трансформация роли участника из наблюдателя в соавтора (традиционный анализ рассматривал участника как пассивного получателя predetermined ритуалов и значений, но через призму культуры участия мы видим, что современные торжества стирают границы между организаторами, артистами и аудиторией, участник становится активным соавтором происходящего);

- производство смысла;
- политический потенциал.

Таким образом, массовые празднования предстают не как феномен массовости и единообразия, а как сложные, динамичные формы совместного создания культурной реальности.

Древний праздник, восходящий к эпохе неолита, противопоставлялся профанному времени, которое было наполнено повседневными заботами и тяжелым трудом, и представлял собой священное время. Такие праздники обязательно сопровождалась ритуальными действиями, носившими символический характер, и занимали главное место в жизни архаичного сообщества. Участники ритуала ощущали себя мифическими символическими существами, действия которых они воспроизводили в ритуале. Это отождествление обеспечивает возможность одновременно быть самим собой и чем-то другим. Отождествление в символе вещи и идеи в ранних культурах приводит к тому, что со священной вещью обращаются так, как будто она сама и есть то, что она символизирует, то есть в ритуале заключены «специфические действия, направленные на воплощение нового смысла в вещи или в событии. Сила ритуала заключается в том, что воплощение нового смысла изменяет свойства предмета» [Карпицкий, 2010, с. 7]. В процессе совершения ритуала у коллектива участников формировалась и укреплялась солидарность, основу которой составлял общий код ритуального символизма. М. Элиаде также отмечает священность праздничного

времени в архаическом обществе в описании ежегодно отмечаемого праздника на полинезийском острове Тикопия: «“Праздничное” Время, в котором протекает жизнь в период церемоний, характеризуется целым рядом запретов (табу): никакого шума, ни игр, ни танцев. Переход от мирского Времени к Священному обозначается ритуальным раскалыванием надвое куска дерева. Множество церемоний, составляющих периодический праздники и являющихся не чем иным, как воспроизведением примеров действий богов, внешне не отличаются от обычных действий; речь идет о ритуальной починке лодки, об обрядах, связанных с выращиванием растений (яма, таро и т. п.), употребляемых в пищу, ремонтом жертвенников. Но на самом деле все эти церемониальные акты отличаются от тех же работ, проводимых в обычное время, тем, что они направлены лишь на некоторые объекты, представляющие собой нечто вроде архетипов соответствующих классов предметов, а также тем, что они осуществляются в атмосфере, пропитанной священным» [Элиаде, 1994, с. 58]. Рассмотрев священность праздничного времени и символичность ритуалов праздников архаического общества, мы можем отметить, что праздник был неразрывно связан с коллективной жизнью племени и являлся совместным действием и совместным переживанием соплеменников, во время которого происходил процесс укрепления культурной связи друг с другом.

Массовые праздничные действия в нашем современном понимании появились во времена Древней Эллады, где велась тщательная подготовка и организация народных празднеств. Более стихийные массовые празднования мы обнаруживаем, например, в Древнем Египте, где праздник был связан с религиозными воззрениями и земледельческим циклом.

В праздничной культуре Древнего Египта особое значение придавалось заупокойному культу. Основываясь на лунном календаре, египтяне проводили ритуалы, посвященные поминовению усопших. Также стоит отметить роль египетских мифов в праздничной культуре, поскольку в большинстве празднований мы находим театрализованное действие, посвященное небесному и подземному путешествию солнечного бога, а также смерти и воскрешению Осириса. Традиции поминовения отражены в древнейших праздниках, поскольку египтяне считали, что умерший способен вмешиваться в земную жизнь своих родственников. Традиционно западный берег Нила символизировал мир мертвых, и праздничные поминальные действия проводили там. Египтяне посещали гробницы усопших, зажигали светильники и совершали подношения покойным. Также традиционным было свершение ритуала, символический смысл которого заключался в путешествии покойного к гробнице Осириса в район Абидоса. Считалось, что даже после смерти человек желает продолжать принимать участие в празднике бога, где покойный может получить оправдание на суде Осириса [Кеес, 2005, с. 381–383].

Неотъемлемой частью каждого праздника в сезон разлива Нила были церемониальные действия, посвященные правящему фараону, богам и усопшим предкам. Эти церемонии выделяли ключевую идею неразрывной связи

между мирами живых, мертвых и богов, что являлось основополагающим принципом сохранения мирового порядка. Исходя из этого, мы можем считать, что праздник представлял своего рода механизм, обеспечивающий сохранение стабильности в стране и защиту от хаоса. Также считалось, что определенные обряды, совершаемых близкими усопших, позволяют получать силу от богов и душ умерших, которые достигли состояния блаженства. Египтяне тщательно готовились к праздникам и включенным в их действия церемониям, вкладывая свои силы во славу божества. Также считалось, что в загробном мире «умерший должен был трудиться на своего господина-бога: сеять зерно и убирать урожай» [Матье, 1996, с. 206]. Праздничные действия сопровождались обильными жертвоприношениями пищи, что означало благодарность богу и служило напоминанием об изобильной жизни в ином мире. Также праздники сопровождались распитием опьяняющих напитков, что позволяло участникам праздника воплотить условный переход в иной мир, где они могли пообщаться с умершими предками. Мы можем сделать вывод, что традиционные обряды поминовения позволяли усопшим присоединиться к празднику вместе с живущими и разделить вместе с ними торжество.

Мы можем отметить, что мифологические сюжеты составляли основу ритуальных действий массовых праздников Древнего Египта. Инсценирование сюжетов божественного противостояния из египетских мифов служило конкретной цели — воодушевить жителей Египта в борьбе с неприятелем. Также подобная инсценировка представляла собой символический магический обряд, направленный на сохранение государства от возможной военной угрозы. В праздничных действиях принимали участие различные виды войск и правитель, что отражало военный уклад жизни. Организация массовых праздников и коллективное соучастие в священных действиях жителей страны утверждало поддержание порядка и стремление к праведности, поскольку они считали это единственным путем к тому, чтобы душа продолжала существовать после смерти.

Если мы обратимся к массовым праздникам Древней Греции, то увидим отточенную веками систему обрядов, ритуалов, церемоний, призванных задобрить или отблагодарить богов, расположить к себе силы природы. Традиционно на первый план выступали непосредственно культовые действия. Поводами для большинства праздников служили смена времен года, сельскохозяйственные мероприятия, сказания о богах и важных исторических событиях.

Одним из самых распространенных был культ Диониса. В период празднования вакхического праздника жатвы Осхофории двадцать юношей бежали из храма Диониса в храм Афины и несли виноградные ветви с гроздьями, где победители награждались чашей с напитком из главных продуктов года, а также почетным местом в процессии праздника. Сама процессия завершалась жертвоприношением и жертвенным пиром. Посвященные Дионису сельские Дионисии посвящались первой пробе молодого вина. В программе этого праздника были народные гуляния, торжественные процессии с фаллосом, приношение в жертву козла, одаривание вином и актерские шутки. Традиционным

на этом празднике были выступления веселых хоров, из которых впоследствии развились такие жанры, как трагедия и комедия. Для девочек в этот праздник делали качели в память о начале виноделия. Схожим по характеру с Малыми Дионисиями был праздник Лией. Его отмечали с большим размахом, гуляния проходили в Афинах и за их пределами в течение нескольких дней. В этот период по улицам города ходили ряженные, устраивались большие пиры за государственный счет.

Среди дионисийских праздников одно из главных мест занимали Великие Дионисии. Центральное место в программе праздника отводилось театрализованным представлениям, длившимся в течение двух дней. Великие Дионисии представляли собой массовый праздник, в котором принимали участие все горожане, в этот период даже узники выпускались на поруки, под запретом были аресты, не работали суды, кредиторам запрещалось требовать возврат долгов. Те, кто нарушал данные правила, подвергались наказанию. В дни праздника поэты, актеры и хореги (богатые афиняне, бравшие на себя расходы по организации театральных представлений) считались священными, поэтому их оскорбление приравнивалось к оскорблению бога. Официальный первый день празднования Великих Дионисий начинался с праздничной процессии горожан, украшенных венками из плюща, виноградной лозы и еловых ветвей, которая несла статую бога, повторяя его первый въезд в Афины. Процессия сопровождалась танцами актеров, представлявших силен и сатиров. Первой остановкой процессии была агора, где ее встречал огонь, разведенный у алтаря Двенадцати богов. Вокруг жертвенника танцевали мальчики, поющие священные песни, и здесь совершалось традиционное жертвоприношение ста быков. После этого священнодействия начинался пир. Вечером зажигали факелы и несли статую бога в театр, где водружали ее в центре оркестры. Считалось, что в этом случае Дионис присоединяется к горожанам на праздники в свою честь. В четвертый день Великих Дионисий начинались трехдневные драматические состязания. Как отмечает А. А. Рубб, это ознаменовывалось театрализованным прологом, «в котором участвовали выходившие под звуки труб судьи, герои войн и граждане, совершившие подвиги во имя Отечества. Содержание пролога всегда носило политический и общественный характер» [Рубб, 2004, с. 15].

Рассмотрев некоторые праздники в честь Диониса, мы можем отметить наличие трех основных черт, присущих им. Первую черту мы определяем как ритуальную: ее суть заключалась в жертвоприношениях, а также в процессиях в честь бога; вторую — как гражданскую, предстающую в форме общегородских состязаний в различных видах спорта, а также в области искусства; третью — как зрелищную, транслируемую участием в празднике профессиональных артистов. Ю. С. Обидина отмечает, что в праздниках, посвященных Дионису, сам бог «выступает в качестве связующего элемента, в оргиастическом или гражданском контексте соответственно. Последователи бога через контакт с ним временно становились божественными, ощущая себя единой общностью, полисом» [Обидина, 2025, с. 20].

Характер празднований в Древней Греции часто был состязательным, такая активная форма досуга была очень популярна. Священными считались такие состязательные праздники, как Олимпийские, Пифийские, Немейские и Истмийские игры; в Афинах проводились еще и Панафинейские игры, которые носили национальный характер, а победители состязаний получали не только награду (венки или амфору с вином или маслом), но и общегреческий почет и уважение.

Рассмотрев некоторые праздники Древней Греции, мы можем сделать вывод, что празднование приобрело черты досуговой деятельности, где досуг предстает как общественная ценность; зрелища и игровое наполнение празднования носили организованный характер, активно проявлялся принцип массовой совместной деятельности; также мы отмечаем проявление черт гражданственности в массовом праздновании.

Обратив внимание на празднования Древнего Рима, мы обнаруживаем сильное влияние эллинской культуры, но, несмотря на это, сам праздник по своей форме и содержанию претерпел серьезные изменения. Если в Древней Греции праздники отличались всеобщностью и в сам процесс празднования включались все граждане Афин, то в Древнем Риме с середины II в. всеобщность действия разделяется и мы видим четкую границу между участниками и зрителями. Эта трансформация праздничного пространства явилась последствием непростой политической обстановки в империи, где наблюдалась классовая борьба. Правителям было необходимо отвлечь от нее народ, а «празднества оказывались важными элементами полисной идеологии... Традиционно они были приурочены к каким-либо священным дням, которые принадлежали богам, а потому в эти дни нельзя было заниматься коммерческой или судебной деятельностью» [Конопаткин, 2024, с. 118]. Римские зрелища (в этот период понятие «зрелище» становится синонимом понятию «праздник») представляли перед зрителями в жанрах триумфальных шествий императоров, гладиаторских боев и навмахий (имитаций морских сражений), цирковых представлений. Также следует сказать, что в праздничной системе Древнего Рима расширилась классификация праздников. Праздники стали разделяться не только на государственные, городские и сельские, но также возникли понятия постоянных (посвященных богам и проводящихся в конкретный закреплённый в календаре день) и подвижных праздников (назначенных правителем на определенное время в честь какого-то важного государственного события, например в честь победы Рима в войне или знаменательного события в жизни находящегося у власти императора).

В Древнем Риме изменился характер праздников и понимание досуга, переставшего считаться общественной ценностью, как это было у древних греков. Досуг стал личной ценностью римлянина, его время воспринималось как праздное, а не активное состояние; он в большей степени предполагал отчуждение от общества, нежели слияние с ним. Однако нельзя не сказать, что характер празднования сохранял принцип массовости как в ритуальных действиях в религиозном празднике, так и в обрядовых действиях гражданских праздников.

В Средние века массовый праздник продолжал расслаиваться, что привело к его поляризации. В этот период утверждались, с одной стороны, официальные празднества церкви и феодального государства, которые славили существующий порядок и величие власти; а с другой — неофициальные народные действия, которые стали наиболее массовыми, яркими и праздничными, будучи связанными с желанием стремиться к идеалу и будущему. М. М. Бахтин отметил, что «необозримый мир смеховых форм и проявлений противостоял официальной и серьезной (по своему тону) культуре церковного и феодального Средневековья» [Бахтин, 2021, с. 11].

В Средние века досуг перестал быть свободным самопроявлением личности: он противостоял мирской суете и почти целиком находился под властью церкви, ограничиваясь у большинства людей лишь церковными праздниками. Как отмечает О. С. Кукина, «церковь в Средние века была не просто частью культуры человека, но и самой культурой, она подчинила себе мораль, науку, образование и искусство» [Кукина, 2018, с. 49]. Со времен раннего феодализма, являясь крупнейшим землевладельцем и политической силой, церковь стремилась захватить массовые празднества и превратить их в механизм воздействия на эмоции прихожан. В связи с этим изначально скромная ритуальная процессия трансформировалась в организованное пышное шествие, зрелище с костюмами, игрой с вещами как элементом театрализации, то есть церковь расширила церковный обряд до массового праздника. Основной задачей церкви в театрализованных праздничных действиях «было укрепление веры через созерцание и мысленное соучастие в событиях, разыгрывающихся на сцене. Подразумевалось, что происходящее на сцене воспринимается зрителями и разумом, и сердцем» [Фоминенко, 2022, с. 46]. В средневековой Европе сложились такие праздничные зрелищные жанры, как литургическая драма (которая еще была частью богослужения), полулитургическая драма (вышедшая за пределы богослужения, дававшаяся в дни ярмарок) и миракль (который, сохраняя религиозную морализацию, обращал внимание на пороки и страсти феодалов).

Наравне с церковными жанрами развивались и народные. Так, площадная мистерия являла собой продукт городской культуры, выросший из процессий в честь религиозных праздников и торжественных въездов королей. Она организовывалась городскими цехами и муниципалитетами, а не церковью. Авторами мистерий выступали ученые-богословы, юристы и врачи. В мистериях, объединявших религиозные и мирские начала, принимало участие множество горожан. Параллельно с мистериями развивался и другой жанр — моралите, который традиционно представлялся как драма в стихах и основным признаком которого являлась аллегория. Аллегорические персонажи олицетворяли пороки и добродетели, стихии природы и церковные понятия. В своем развитии этот жанр частично освободился от аскетической морали, в нем встречались мотивы социальной критики. Окрепший и сформированный в мистериях фарс во второй половине XV в. выделился в отдельный жанр. Фарсы проходили в виде веселых масленичных праздников и народных спектаклей, которые дали начало так называемым дурацким корпорациям (шутовским

обществам). В фарсовых представлениях при помощи соти (сатирических зарисовок) высмеивались епископы, судьи, короли. В соти проявился аллегорический опыт моралите, давая обобщенную картину действительности. В XVI в. массовый, вольнодумный и буффонный фарс стал главенствующим жанром, который высмеивал не только попа, дворянина и чиновника, но и крестьянина, а также пройдоху-горожанина. Фарс был детищем народа, он создавал жизненные типы. Постановка фарсов осуществлялась силами любительских актеров, наиболее прославленным из них был Понтале, которого Франсуа Рабле назвал самым большим мастером смеха. Критика в фарсовых зрелищах была настолько сильна, что в конце XVI – начале XVII в. монархия и церковь добились ликвидации крупнейших корпораций фарсеров.

При рассмотрении форм массового празднования в Средние века мы обнаруживаем раскол на религиозное и площадное празднование. И в первом, и во втором сохранялась традиция массового гулянья, главным компонентом которого являлось зрелище, транслирующее моральные нормы и высмеивающее пороки. Также следует отметить, что жанровое многообразие зрелищ Средневековья обеспечивало вовлечение людей не только в процесс празднования, но и в процесс создания и подготовки этого зрелища: так, коллективы профессионалов различных областей и создавали драматургическую основу будущего зрелища, и строили сценические площадки, декорации, в соответствии с замыслом будущего представления.

Заключение

Рассмотрев некоторые принципы архаичного праздника, празднований Древнего Египта, Античности и западноевропейского Средневековья, мы приходим к следующим выводам.

В празднике как в одном из древнейших феноменов культуры проявляются с древнейших времен и сохраняются в настоящем такие ключевые принципы культуры участия, как коллективность и общность действия. В процессе празднования участники становятся единой общностью, где сам праздник является достоянием этой общности, а весь коллектив участников включен в провозглашение и подтверждение своих ценностей.

Рассмотрев священность праздничного времени и символичность ритуалов праздников архаического общества, мы можем отметить, что праздник был неразрывно связан с коллективной жизнью племени и являлся совместным действием и совместным переживанием соплеменников, в котором происходил процесс укрепления культурной связи друг с другом.

В массовых праздниках Древнего Египта коллективное соучастие в священных действиях жителей страны утверждало идеи соблюдения порядка и стремление человека вести праведную жизнь, что, согласно древнеегипетским воззрениям, было условием продолжения существования души после смерти.

В дионисийских праздниках Древней Греции последователи бога ощущали себя единой общностью через совместное участие в оргиастических ритуалах, то есть через символическое соприкосновение с богом, где сами участники становились частью божественного. Праздничный досуг в этот период предстает как общественная ценность, где зрелища и игровое наполнение празднования носили организованный характер. В массовых празднованиях активно воплощался принцип совместной деятельности, а также проявлялись черты гражданственности.

В Древнем Риме массовый праздник приобрел идеологическую функцию, так как стал элементом политического регулирования в классовой борьбе Римской империи, но, несмотря на изменение содержания, форм празднований, усложнение классификации праздников, принцип коллективности и массового участия сохранялся и в религиозных праздничных ритуалах, и в обрядах гражданских праздников.

В Средние века основной чертой как религиозных, так и площадных праздников стало зрелище, где через яркие образы героев и сценическое действие транслировались моральные нормы, которые в образно-чувственной форме влияли на оценочную и поведенческую составляющие самосознания празднующей общности. Празднующая общность активно вовлекалась не только в яркий и эмоциональный процесс празднования, но и в совместную деятельность подготовки праздничного зрелища.

Рассмотрев традиции празднования, изменяющуюся форму и содержание праздника, мы обнаруживаем, что в массовом празднике, начиная с древнейших времен, индивидуальное «я» каждого участника сливается в общее «мы», позволяя сформировать устойчивую связь с обществом, где усваиваются и провозглашаются культурные ценности через совместное коллективное действие и сопереживание.

Практическая значимость исследования состоит в возможности использования его результатов для дальнейшего философского анализа экстраполяции концепции культуры участия на современные тенденции проведения, формы участия и традиции (сохранение прежних и появление новых) массовых празднований.

Список источников

1. Кибалко В. В. Анализ концепций праздника. Ретроспективная рефлексия // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Философия. Социология. Право. 2018. Т. 43. № 2. С. 340–348. [https://doi.org/ 10.18413/2075-4566-2018-43-2-340-348](https://doi.org/10.18413/2075-4566-2018-43-2-340-348)
2. Малащук Н. В., Строй Л. Р. Политический праздник: философия, функции и актуальность для современного развития России // Вестник научных конференций. 2016. № 11-4 (15). С. 68–72.
3. Малинина А. А. Инструментарий активизации зрительской аудитории в массовых театрализованных действиях // Праздничная культура России: инструментарий театрализации: материалы всероссийской (с международным участием) научно-практической конференции, Орел, 18–19 марта 2021 года. Орел: Орловский государственный институт культуры, 2021. С. 90–93.

4. Агапова Д. Культура участия: миллионы диалогов // Музей как пространство образования: игра, диалог, культура участия. / отв. ред. А. Щербакова, сост. Н. Копелянская., М.: Музейные решения, 2012. С. 8–20.
5. Jenkins H. *Convergence culture: where old and new media collide*. New York: New York University Press, 2006. 308 p.
6. Саенко Н. Р., Татаренко М. А. Факторы трансформации массовых форм празднования в современной культуре // *Философская мысль*. 2024. № 9. С. 30–41. <https://doi.org/10.25136/2409-8728.2024.9.71953>
7. Карпицкий Н. Н. А. Ф. Лосев: феноменология мифологического сознания // *Наука о человеке: гуманитарные исследования*. 2020. № 2 (6). С. 123–132.
8. Элиаде М. Священное и мирское / пер. с фр., предисл. и коммент. Н. К. Гарбовского. М.: МГУ, 1994. 144 с.
9. Кеес Г. Заупокойные верования древних египтян: От истоков и до исхода Среднего Царства / пер. с нем. И. А. Богданова; под науч. ред. А. С. Четверухина. СПб.: «Журнал “Нева”», 2005. 496 с.
10. Матье М. Э. Избранные труды по мифологии и идеологии Древнего Египта. М.: Восточная литература РАН, 1996. 326 с.
11. Рубб А. А. Размышления о нетрадиционном театре, или Нетрадиционный театр как он есть. М.: ВК, 2004. 602 с.
12. Обидина Ю. С. Дионисийские практики в структуре древнегреческой культуры: границы культурного и социального // *Человек. Культура. Образование*. 2025. № 1 (55). С. 10–24. <https://doi.org/10.34130/2233-1277-2024-4-10>
13. Конопаткин В. А. Власть римского императора и публичные празднества в конце IV–V вв. // *Проблемы истории, филологии, культуры*. 2024. № 4 (86). С. 115–125. <https://doi.org/10.18503/1992-0431-2024-4-86-115-125>
14. Бахтин М. М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2021. 640 с.
15. Кукина О. С. Театральное искусство в эпоху Средневековья: духовный и социальный аспекты // *Культурология в современной России: школы, концепции, персоналии: сборник статей молодых ученых* / под ред. Е. В. Листвиной, Н. П. Лысковой. Саратов: Саратовский источник, 2018. С. 46–50.
16. Фоминенко Ю. А. Особенности понимания мистерии в философской мысли русских символистов // *Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина*. 2022. № 1. С. 41–54. https://doi.org/10.35231/18186653_2022_1_41

References

1. Kibalko, V. V. (2018). Analysis of holiday concepts. Retrospective reflection. *Scientific Bulletin of Belgorod State University. Series: Philosophy. Sociology. Law*, (43(2)), 340–348. (In Russian).
2. Malashchuk, N. V, & Stroy, L. R. (2016). A political holiday: philosophy, functions, and relevance for Russia’s modern development. *Bulletin of scientific conferences*, (11-4(15)), 68–72. (In Russian).
3. Malinina, A. A. (2021). Tools for activating the audience in mass theatrical performances. In *Russia’s holiday culture: tools of theatricalization: proceedings of the All-Russian (with international participation) scientific and practical conference, Oryol, March 18–19, 2021* (pp. 90–93). Oryol State Institute of Culture. (In Russian).

4. Agapova, D. (2012). Culture of participation: millions of dialogues. In *Museum as an educational space: play, dialogue, and participatory culture*. (A. Shcherbakova, & N. Kopelyanskaya, Ed., pp. 8–20). Museum Solutions group. (In Russian).
5. Jenkins, H. (2006). *Convergence culture: where old and new media collide*. New York University Press.
6. Saenko, N. R., & Tatarenko, M. A. (2024). Factors of Transformation of Mass Forms of Celebration in Modern Culture. *Philosophical thought*, (9), 30–41. (In Russian).
7. Karpitsky, N. N. (2010). A. F. Losev: The Phenomenology of mythological consciousness. *Human Science: Humanitarian Studies*, (2(6)), 123–132. (In Russian).
8. Eliade, M. (1994). *Sacred and profane* (N. K. Grabowsky, Trans.). MSU. (In Russian).
9. Kees, H. (2005). *The funeral beliefs of the Ancient Egyptians: from the origins to the end of the Middle Kingdom* (I. A. Bogdanov, Trans.; A. S. Chetvertukhin, Ed.). «Journal “Neva”». (In Russian).
10. Mathieu, M. E. (1996). *Selected works on the mythology and ideology of Ancient Egypt*. Oriental literature RAS. (In Russian).
11. Rubb, A. A. (2004). *Reflections on non-traditional theater, or Non-traditional theater as it is*. VK. (In Russian).
12. Obidina, Yu. S. (2025). Dionysian practices in the structure of Ancient Greek culture: the boundaries of cultural and social. *Human. Culture. Education*, (1 (55)). 10–24. (In Russian).
13. Konopatkin, V. A. (2024). The power of the Roman emperor and public celebrations in the late 4th and 5th centuries. *Problems of history, philology, and culture*, (4(86)). 115–125. (In Russian).
14. Bakhtin, M. M. (2021). *The works of Francois Rabelais and the folk culture of the Middle Ages and the Renaissance*. ABC, ABC-Atticus. (In Russian).
15. Kukina, O. S. (2018). Theatre in the Middle Ages: spiritual and social aspects. In *Cultural studies in contemporary Russia: schools, concepts, and personalities: a collection of articles by young scientists* (E. V. Listvina, & N. P. Lysikova, Ed., pp. 46–50). Saratov Source Publishing House. (In Russian).
16. Fominenko, Yu. A. (2022). Features of understanding mystery in the philosophical thought of Russian symbolists. *Bulletin of the Pushkin Leningrad State University*, (1), 41–54. (In Russian).

Информация об авторе / Information about the author:

Мария Андреевна Татаренко — аспирантка кафедры философии и культурологии, Волгоградский государственный социально-педагогический университет; старший преподаватель кафедры режиссуры, Волгоградская государственная консерватория имени П. А. Серебрякова, Волгоград, Россия.

Maria A. Tatarenko — Postgraduate Student of the Department of Philosophy and Cultural Studies, Volgograd State Socio-Pedagogical University; Senior Lecture of the Department of Directing, Volgograd State Serebryakov Conservatory, Volgograd, Russia.

mardmy@yandex.ru; <https://orcid.org/0009-0005-9730-141X>